

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЁВ

КТО ОН: ЗАБЛУДШАЦ ОВЦА ИЛИ ИСПОВЕДНИК ВСЕЛЕНСКОГО ХРИСТИАНСТВА?

Леонид Василенко

31 июля исполняется 100 лет со дня смерти великого христианского мыслителя XIX века

«Исповедником вселенского христианства» Соловьёва назвал князь Сергей Николаевич Трубецкой, в доме которого он окончил свой земной путь. Сейчас о Соловьёве немало пишут и спорят. В России по-прежнему, как и столетие назад, многим ненавистно его имя. Другие восхищаются жизненным подвигом этого человека и хотят быть продолжателями его дела. Многие зарубежные христианские мыслители отдают должное Соловьёву и с его помощью хотят лучше понять духовные пути России и, шире, Востока и Запада.

Какова духовная ценность поиска и жизненного итога Владимира Соловьёва? В книге «Духовные основы жизни» (1884) он утверждал, что Христос — в основе всего. Я думаю, это и есть то главное, непреходящее, что важно для всех нас ныне, — Христос во всём должен занимать подобающее Ему центральное место. Сам Соловьёв осмыслил это как богочеловеческий идеал и развернул его в «Чтениях о Богочеловечестве» (1878). Всё осталь-

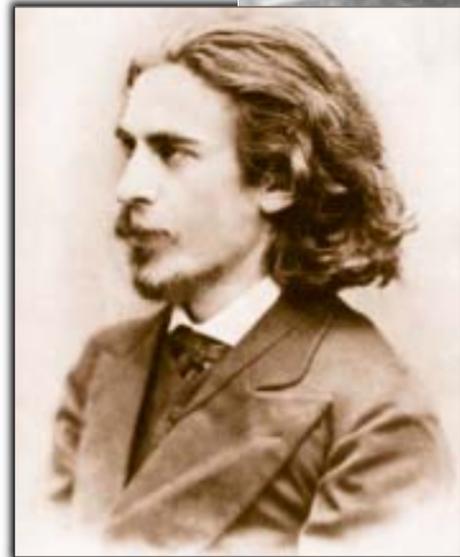
Леонид Иванович Василенко — кандидат философских наук, преподаёт философию религии в духовных учебных заведениях

ное в его учении — Всеединство, София, пути сближения Востока и Запада, соединение научных, философских и религиозных знаний в «цельном знании», религиозный путь России — важно, когда отнесено со Христом, с Тем, без Кого жизнь уже и не жизнь. Без Богочеловеческого идеала всё в жизни теряет смысл.

Соловьёв жаждал полноты развития человека в Церкви — «в меру полного возраста Христова» (Еф 4. 13). Он призывал энергично для этого трудиться. Православный Восток, писал он в «Чтениях», «сохранил истину Христову; но, храня её в душе своих народов, Восточная Церковь не осуществила её во внешней действительности, не дала ей реального выражения, не создала христианской культуры, как Запад создал культуру антихристианскую» (Собр. соч. В. С. Соловьёва в 12 тт. Брюссель: Жизнь с Богом, 1966—1970, т. III). Отсюда и тупики на исторических путях Востока и Запада: «бесчеловечная» религиозность Востока блокировала становление и развитие личности и привела к застою в социальной, культурной и церковной жизни, а самоутверждение личности на Западе завело её в состояние безбожия.

Богочеловечество, писал Соловьёв, нужно противопоставить этим тупиковым вариантам социального и духовного

развития. Богочеловечество — это всё то человечество, которое собирается вокруг Христа-Богочеловека. Это тот же Град Божий, о котором писал в V в. св. Августин. Вся разница в том, что

Середина 1870-х гг.

Августин писал не только о Граде Божием, но и о его вековечном враге — об анти-

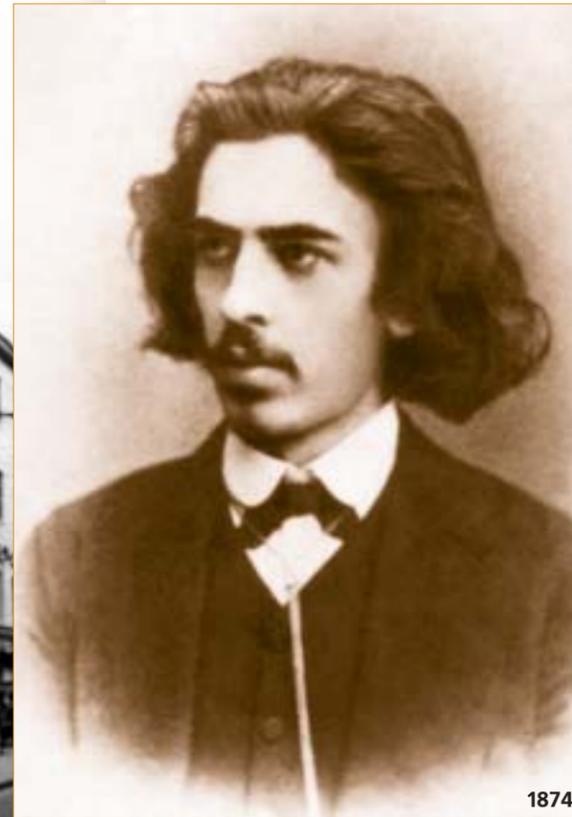

Дом в Лопухинском переулке в Москве (в перестроенном виде. Остоженка, 16), где в 1853 г. родился В. Соловьёв

христианском граде земном. Он писал, что борьба между ними в истории никогда не прекратится, что между ними невозможны не только союзы, но и даже стратегические перемирия, разве что временное тактическое прекращение огня... Соловьёв об антихристе стал писать и говорить лишь к концу жизни.

Соловьёв жаждал духовного обновления христианства, считая, что все христианские традиции в практической жизни далеки от Богочеловеческого идеала. Он находил в них духовное угасание, уклонения или подмены. И призывал раскрывать великие творческие возможности воцерковившегося человека, чтобы христиане смогли показать себя миру

людьми, достигшими полноты жизни, — теми, чьи способности и силы

1874

полностью раскрылись в служении Богу и ближнему.

Нередко пишут, что главное в философии Соловьёва — это метафизика Всеединства, потому что она является философским переосмыслением идеи Царства Божия. Но метафизика — только факт и достижение нашей культуры. Она величественна по замыслу, но ведь всё, что в рамках культуры, находится по эту сторону черты, отделяющей культуру и историю от Царства, грядущего в силе по завершении истории.

Другим важно то, что Соловьёв увидел Софию — великую Душу мира, высшую в иерархии подобных душ. Без Софии нет Всеединства, говорят они, нет включения человека в многоплановое мировое Целое. А в этом Целом над ним пусть главенствуют иерархии каких-то суровых духовных инстанций, соединившихся с более мягкими запредель-

ными душами. В этом видится настойчивое стремление нецерковных авторитетов отделить Соловьёва от христианства и сделать его великим космистом, вестником тех сил, против подчинения которым апостол Павел предостерегал решительно и не раз (Ср. Кол 1. 16—17; 2. 8; Еф 1. 21—22).

Современные космисты считают Соловьёва визионером высшего класса, которого избрала и возлюбила сама Мировая Душа. Да, Соловьёв — надо это признать — не раз давал поводы так думать о себе. Его софиология гностична, она выросла из осмысления паранормального опыта его личных встреч с Софией и «софийных» исканий визионеров и гностиков разных времён и народов, начиная с платоников, офитов, Василида и Валентина. Соловьёв увидел её (Софию) как внечеловеческую космическую разумную силу, как «вечно-женственное» средоточие глобальной разумности. В стихотворении «Три свидания» он писал:

*Всё видел я, и всё одно лишь было, —
Один лишь образ женской красоты.
Безмерное в его размер входило, —
Передомной, во мне — одна лишь ты.*

Да, София космична, она женственна, она прельстительна, она, как однажды выразился С. С. Аверинцев, — «тонкая тварь», которая манила душу Соловьёва. И у Соловьёва был, я думаю, риск отдалиться от Христа ради Софии, но любовь ко Христу всё же возобладала...

Третьи обращают внимание на то, что Соловьёв ратовал за создание Всеединства в истории с помощью *теософии, теургии и теократии*. Теософия (греч. *Богамудрие*) — это главная часть того, что Соловьёв назвал «цельным знанием». В нём религиозные, философские и научные знания соединяются вокруг «мистического знания о Боге и от Бога». Не следует думать, что Соло-

вёв вкладывал в термин «теософия» тот же смысл, что и Елена Блаватская. Ей-то как раз и доставалось от Соловьёва за «псевдотеософию» как доктрину «антирелигиозную, антифилософскую и антинаучную», т. е. за шарлатанство. Её теософия устраняет главное и положительное в христианстве — Бога, Его воплощение во Христе и спасение души.

Теургию (греч. *Богодействие*) Соловьёв ассоциировал с известными словами Ф. Достоевского: «Красота спасёт мир» — Красота запредельная, способная преодолевать косность тусклой и инертной повседневности. Соловьёв не успел сис-

Соловьёв — человек Божий

Соловьёв был крупным философом и богословом, блестящим публицистом и поэтом, но прежде всего он был человеком Божиим. Любовь его ко всем людям и ко всему сотворённому, его мужество и стойкость в защите христианской истины привлекают многих. Привлекают в нём детские качества, искренность и невинность его жизни, честность и рыцарство. Не зря католический епископ Иосиф Штроссмайер в 1886 г. написал: «Соловьёв — душа чистая, благочестивая и воистину святая».

Соловьёв искал Бога в гуще повседневной жизни, в водовороте социальных и политических событий. По словам С. Булгакова, Соловьёв был *гражданином* в самом широком смысле этого слова, ибо он был не только кабинетным мыслителем, но и человеком, сердцу которого были близки и понятны все скорби и нужды современности. Он был сыном своего времени и был постоянно занят вопросами практической справедливости.

Всю жизнь он работал над собой, но его последние слова на смертном одре — «Трудна работа Божия» — смиренное признание того, что прежде всего работает Бог, а мы — только сотрудники благодати Божией.

А. Дианин-Хавард,
директор Европейского учебного
центра в Хельсинки.

Из очерка «Владимир Соловьёв:
единство жизни и учения»

тематически развернуть перед читателями своё видение теургических возможностей искусства и культуры в целом, поэтому ограничимся сказанным.

Теократия (греч. *Боговластие*) — это единство духовной власти в Церкви с политической силой монархического христианского государства. Этому он посвятил книгу «История и будущность теократии» (1886), а затем и другую — «Россия и Вселенская Церковь» (1889).

Демократом Соловьёв не был, его уважали такие принципиальные враги демократии, как Константин Леонтьев и Николай Бердяев. Рассматривая Всеединство как теократию, Соловьёв изобразил его как мировое социально-политико-религиозное единство. В центре — три величественные фигуры: Папа в Риме — центр духовной власти, государь император в Санкт-Петербурге — средоточие власти политической и ещё пророк — вестник и идеолог торжествующего Всеединства, скорее всего, сам Соловьёв. Его роль, во-первых, — быть посредником между Первосвятителем и Первовластителем, а во-вторых — содействовать духовно-нравственной безупречности их взаимоотношений. Истинный пророк, писал он, «есть вершина стыда и совести», это бесстрашный и независимый общественный деятель (там же, т. VIII). Понятно, что в такой картине православие должно добровольно подчиниться духовной власти Рима, чем и решается вопрос о примирении Церквей по образцу унии. Других путей примирения Соловьёв тогда не видел и не искал.

В результате, как мы видим, Всеединство превратилось в религиозно-политический проект. Тут София вроде бы и ни к чему, Царство Божие отходит куда-то вдаль, православная соборность, за которую боролись лучшие из славянофилов, тоже не нужна, да и евангельский образ Христа как-то поблек... Соловьёв сопоставил Папу на земле с Отцом на небе — никак не меньше; царскую власть на земле, послушную Папе, — с Сыном, а Духа Святого — с про-

1890-е гг.

роческим служением. Слова Христовы «Царство Моё не от мира сего» (Ин 18. 36) он оставил здесь без внимания.

...

Один из ранних славянофилов — Иван Сергеевич Аксаков — не раз публиковал Вл. Соловьёва в своих изданиях, например, в еженедельнике «Русь». Они ценили и уважали друг друга, были солидарны в критике «казённого православия» — с насилием Синода в делах веры. Но они и много спорили. Соловьёв упрекал Аксакова в том, что его отношение к Риму — исключительно полемическое, что он не удержался от соблазна отвергать католичество только из тех соображений, что оно «претит русскому национальному духу». Соловьёв отстаивал идею, что национально-исторической задачей России является великое примирение Востока и Запада (на основе теократии). Аксаков возражал, говоря, что Соловьёв отделил себя от русского народа и православной истины, когда предлагал православным просто объединиться с Римом без всяких условий. Соловьёв ответил на это: «Мне кажется, Вы смотрите *только* на папизм, а я смотрю прежде всего на великий и вечный Рим,

основную и неотъемлемую часть Вселенской Церкви. В этот Рим я верю, пред ним преклоняюсь, его люблю всем сердцем и всеми силами своей души желаю его восстановления для единства и целостности все-

Между тем Аксаков, как умел, побуждал Соловьёва внимательнее всмотреться в русскую православную традицию, хранящую верность древнехристианской правде. Соловьёв в полемике не расслы-

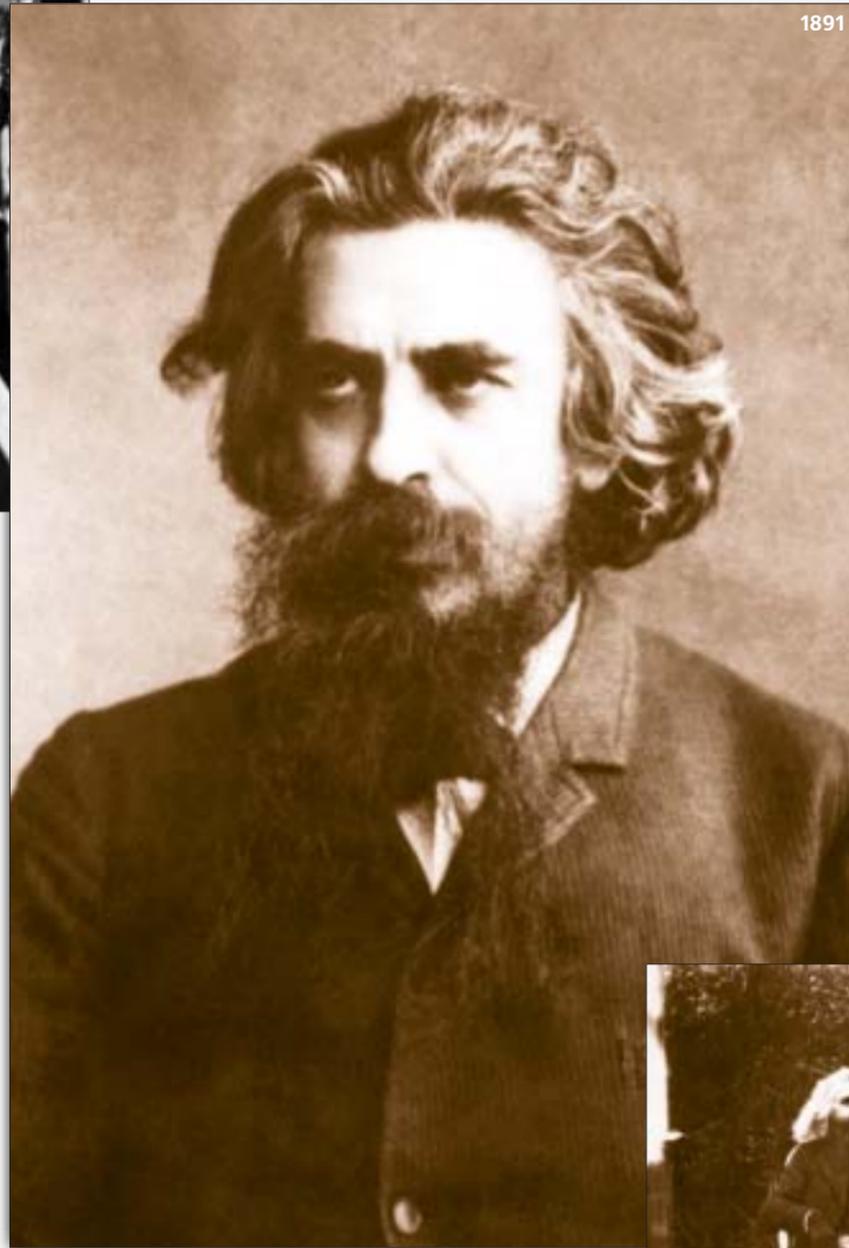
шал призыва Аксакова. А вскоре именно католики помогли Соловьёву посмотреть на православие иными глазами. Но сначала сделаем небольшое отступление...

Летом 1886 г. Владимир Соловьёв отправляется на Запад. Некоторые друзья в Москве предупреждали: смотри, как бы ты не вернулся обратно Люте-ром... Владимир Сергеевич едет сначала в Вену, пишет там предисловие к своей «Теократии», думая предложить его официальным лицам католического мира как законченное выражение сво-

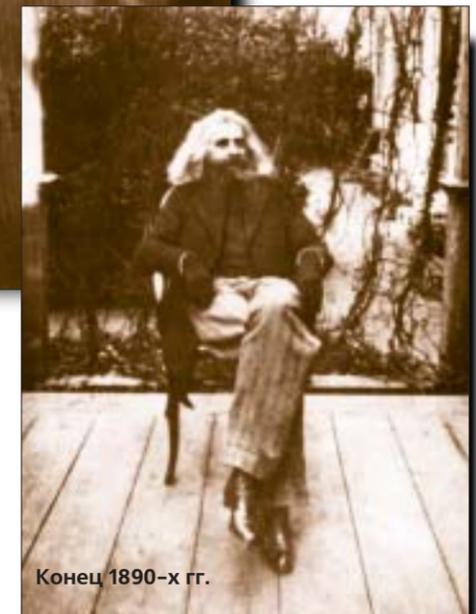
ей позиции по церковному вопросу. Затем направляется в Загреб и встречается с хорватским епископом Иосифом Штроссмайером, который им восхищён. Штроссмайер тогда много занимался сближением католиков и православных на Балканах, правда, только на принципах унии (других вариантов тогда, в русле решений Первого Ватиканского Собора, и не могло быть). Вскоре епископ Штроссмайер написал о Соловьёве Папе Льву XIII: он — «всем сердцем и душой католик и посвятивший всю жизнь и все славные труды свои на то, чтобы возратить возможно большее число русских славян в лоно Св. Матери Католической Церкви» (Соловьёв С. Богословские и критические очерки. Томск: Водолей, 1996).

Однако не все католики признали Соловьёва своим. Некоторые югославские иезуиты высокомерно критиковали его «за вольнодумство, мечтательность и мистицизм», чем его и уязвили. Папа Лев XIII всё же готов был присоединить Соловьёва к католичеству — рекомендации были солидные, — но высказался о нём только как о «заблудшей овце», которой давно пора смиренно вернуться в стадо верных из стана схизматиков. А ведь Соловьёв наметил себе совсем другую, очень видную роль во вселенской теократии — посредника между Первосвятителем и Государем. Вдобавок Папа, человек весьма практичный, вскоре высказался о работе Владимира Сергеевича «Русская идея» как о всего лишь религиозном идеализме: «Прекрасная идея, но без чуда это вещь невозможная» (Письма, т. IV).

И что же было дальше? Как свидетельствует его племянник С. М. Соловьёв (см. о нём в «ИиЖ» №2/2000. — *Ред.*), Владимир Сергеевич с горечью сказал в одном письме: «Вот Вам в двух словах моё окончательное отношение к папизму: я его понимаю и принимаю *tel quel*, но он меня не понимает и не принимает, я его вместил в себя, в свой духовный мир, а он меня вместить не может, я пользуюсь им как элементом и орудием истины, а он не может

1891

Конец 1890-х гг.

мирной Церкви, и будь я проклят как отцеубийца, если когда-нибудь произнесу слово осуждения на святыню Рима» (Письма В. С. Соловьёва, в 4-х тт. СПб., 1908 — Пг., 1923, т. IV).

Эти вдохновенные слова выражают очень важную часть личного кредо Владимира Соловьёва.

сделать из меня своего орудия и элемента. Бог превратил для меня латинский камень в хлеб и иезуитскую змею в рыбу, а дьявол сделал для них мой хлеб камнем преткновения и мою рыбу — ядовитую змею» (Соловьёв С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва. Брюссель: Жизнь с Богом, 1977). Это горькие слова человека, который пришёл с открытым сердцем и любовью, а в результате получил душевную травму. Но, собственно, отвергнуто было его амбициозное притязание на роль пророка.

Помимо сказанного нужно обратить внимание ещё вот на что. С. М. Соловьёв, не без влияния дяди ставший католичес-

Соловьёв — человек Божий

Соловьёв стремился к единству христиан, изучил путь его осуществления и за него горячо молился. Вначале он думал, что сам при жизни увидит чудо соединения христиан, а потом понял, что пришло время не единства, а время великих испытаний. Он понял, что путь к примирению пройдёт через крест, покаяние и очищение. Он глазами своего сердца видел приближающиеся катастрофы XX века и окончательные результаты секуляризации Европы и всем существом своим сочувствовал будущему поколению христиан.

«Я чую близость времён, — написал Соловьёв за месяц до смерти, — когда христиане будут опять собираться в катакомбах, потому что вера будет гонима, — быть может, менее резким способом, чем в нероновские дни, но более тонким и жестоким: ложью, насмешкой, подделками, да мало ли ещё чем! Разве ты не видишь, кто надвигается? Я вижу, давно вижу!»

В «Повести об антихристе» Соловьёв обличает грядущее лжехристианство и предвозвещает воссоединение Церквей... В этом Соловьёв видит единственный путь к спасению Церкви Христовой.

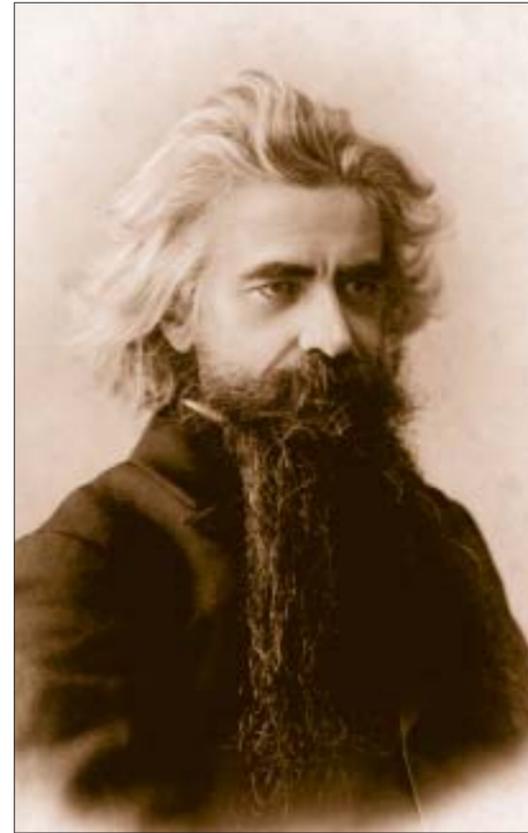
А. Дианин-Хавард,
директор Европейского учебного центра в Хельсинки.
Из очерка «Владимир Соловьёв: единство жизни и учения»

ким священником, допускал, что Владимир Сергеевич тогда внутренне опасался встретить в Риме не то, чего жаждала его душа, — он искал в теократии подлинной любви, а не только сильной духовной власти. И он воздержался от встреч со Львом XIII, который уже ждал его прибытия: «Может быть, Соловьёв бессознательно боялся, что Ватикан разобьёт его теократические надежды и он убежит из Рима, как некогда убежал из него католический монах Лютер. А может быть, встал перед ним благословляющий образ деда-священника и остановил его на дороге в Рим, обратив взор его к золотым главам далёких обителей родной земли» (Соловьёв С. Богословские и критические очерки).

Соловьёв демонстративно причащается в православном храме, хотя до этого, судя по всему, он постоянно приходил только на Мессу, не приступая, однако, к Чаше. А вернувшись из Югославии, Соловьёв пишет в ноябре 1886 г. архимандриту Антонию (Вадковскому), будущему митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому: «На попытки обращения, направленные против меня лично, я отвечал прежде всего тем, что (в необычайное для сего время) исповедался и причастился в православной сербской церкви в Загребе, у настоятеля её о. иером. Амвросия. Вообще я вернулся в Россию — если так можно сказать — более православным, нежели как из неё уехал» (Собр. соч. В. С. Соловьёва, т. XI). Это вполне соответствовало его словам в письме, отправленном тому же адресату ещё до поездки: «В латинство никогда не перейду». Теперь он снова писал, что «была бы злойной всякая внешняя уния и всякое частное обращение» (там же).

Архимандрит Антоний немедленно ответил: полученное письмо (ноябрьское 1886 г.) «принесло мне истинную радость... при настоящем жалком положении наших церковных дел... выход из Церкви таких полных жизни, могучих и сильных членов её, как Вы, поистине был бы великим несчастьем» (см. «Логос: Диа-

лог Восток—Запад», № 50. Брюссель — Мюнхен — М., 1995). Такие слова не могли остаться не оценёнными по достоинству Соловьёвым в той ситуации, когда его искания примирения с Римом вызвали много злобы и клеветы со стороны столич-

ных православных. Например, архимандрит Антоний (Храповицкий), будущий митрополит, возглавивший уже в 20-е гг. XX в. русскую «карловацкую» православную общину за рубежом, писал: Соловьёв «впал в ту страшную яму заблуждений, куда естественно впадает всякий ревнитель Церкви не по разуму» (Еп. Антоний. ПСС, т. 3. Казань, 1900). Да и государь император Александр III позволил себе однажды назвать «чистейшим психопатом» этого «сына милейшего С. М. Соловьёва» (отец и племянник Владимира Сергеевича носили одинаковые имена).

Соловьёв какое-то время продолжал отношения с некоторыми из иезуитов, но постепенно как-то охладевал. В 1887 г. в письме иезуиту о. Петру Мартынову Соловьёв назвал себя «православным рус-

ским» и для полной убедительности добавил в лозунговой манере: «Да здравствует Хомяков и его принцип всецерковности — всенародности! Эта всенародность или всецерковность определяется ведь не счётом голосов, а внутренним свидетельством Духа Божия» (Письма, т. IV).

Свидетельством того, что после этого Вл. Соловьёв расстался со своим теократическим проектом Всеединства, С. М. Соловьёв считает его стихотворение «Иммануэль», где сказано:

*И многое уж невозможно ныне,
Цари на небо большие не глядят
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про Бога говорят.*

Здесь упомянуты цари и пастыри. Но в его прежнем проекте главные фигуры — это царь (государь император в Петербурге) и пастырь (Первосвятитель, Папа в Риме). Таков итог: они «на небо не глядят» и «не слушают про Бога». Сказано сурово. Однако это не означает, что Соловьёв отвернулся от Рима. Напротив, верность Риму, пожалуй, даже укрепились. В том же письме к о. Мартынову, где он так поддержал Хомякова, читаем: «Я восстаю против местной иерархии во имя вселенского предания, и я ли не православный? Взгляд

щённый вселенскими соборами, на которых председательствовали римские легаты, и сохранённый в наших богослужебных книгах. А противный взгляд опирается на предание сравнительно новое, не освящённое ни одним вселенским собором и поддерживается, с одной стороны, иерархией, которая сама заявляет свою полную некомпетентность в управлении Церковью, а с другой стороны — полунигилистическим (...) славянофилов» (там же).

Как видим, вместо традиционной католической вероучительной формулировки «Папа — наместник Христа и преемник Петра» Соловьёв поставил свою: «наместник Петра». Это симптоматично. Но авторитет учительства Папы Соловьёв здесь под вопрос не поставил.

В наше время некоторые воспринимают Соловьёва как стопроцентного католика, поскольку он много писал о первенстве Св. Престола. Они особенно настойчиво обращают внимание на то, что он однажды в 1896 г. причащался у подпольного греко-католического священника Николая Толстого. (Когда-то Толстой был православным, но он также был близок и к Соловьёву. Закончив Московскую духовную семинарию, он решил оставить православие и воцерковиться в католичестве.)

Если рассматривать факт причащения с точки зрения решений Второго Ватиканского Собора, то ни о каком присоединении Соловьёва к католичеству серьёзно говорить не приходится: был случай, однажды причастился, что из этого? Сейчас не католики причащают, в том числе

...Перед тем как решиться на какой-нибудь поступок, имеющий значение для личной или общественной жизни, вызвать в душе своей нравственный образ Христа, сосредоточиться в нём и спросить себя: мог ли бы Он совершить этот поступок, или, другими словами, — одобрит Он его или нет, благословит меня или нет на его совершение? Предлагаю эту проверку всем — она не обманет. Во всяком сомнительном случае, если осталась только возможность опомниться и подумать, вспомните о Христе, вообразите Его себе живым, какой Он и есть, и возложите на Него всё бремя ваших сомнений.

В. Соловьёв. «Духовные основы жизни»

и в России, без каких-либо жёстких дисциплинарных требований. А с точки зрения Первого Ватиканского Собора — Соловьёва причастились как-то странно, если не сказать безответственно: о. Николай не потребовал произнесения формулы, столь нужной тогда для акта присоединения к католичеству, а именно, что только в Римско-Католической Церкви — полнота Церкви Христовой. Сам о. Толстой сформировался под влиянием идей Соловьёва и, очевидно, не позволил бы себе относиться к своему наставнику как к «заблудшей овце», как не согласен был на такое отношение и сам Соловьёв; о. Толстой прекрасно понимал, что от него такой формулы не дождёшься. Не стал он также придавать большого веса неоднократным высказываниям Соловьёва против унии.

А Соловьёв после того причащения явно не считал себя связанным католической дисциплиной — похоже, больше ни разу он не заходил в костёл ни на исповедь, ни на Мессу. Соловьёв не шёл на сближение со священниками латинского обряда (они в России были), он мог опасаться, что они будут смотреть на него именно как на «заблудшую овцу», которую о. Толстой толком и не присоединил...

Ясно, что католическое воцерковление в собственном смысле слова не состо-

Слева направо: В. С. Соловьёв, кн. С. Н. Трубецкой, Н. Я. Грот, Л. М. Лопатин. 1890-е гг.

на Папу как на наместника Петрова и верховного учителя Вселенской Церкви есть несомненно взгляд древнейший, освя-

ялось, если вообще планировалось. Тем не менее парижский журнал «Символ» дважды за последние годы опубликовал давние материалы в поддержку мнения, что Соловьёв в 1896 г. присоединился к католицизму (№ 38/1997; № 41/1999). Редколлегия поместила эти материалы без какого-либо комментария, дав понять тем самым, что вопрос этот настолько ясен, что обсуждать тут нечего. Оба автора говорят об «официальном воссоединении Вл. Соловьёва с Римской Церковью». Если соглашаться с ними, тогда Соловьёв самым фактом своего присоединения признал, что православие для него — больше не Церковь, а некое собрание упрямых схизматиков и что в православии закрыты все пути к спасению души. (Мы отклоняем другой, облегчённый вариант объяснения — что Соловьёв был настолько духовно угнетён, что по слабости махнул рукой на принципиальные вопросы ради того, чтобы хоть где-то укорениться, лишь бы не мучиться больше и не висеть в безнадежном и тоск-

Соловьёв — человек Божий

На пороге третьего тысячелетия имя Соловьёва многими произносится с энтузиазмом и надеждой. Его «Повесть об антихристе», опубликованная в 1900 г., за несколько месяцев до смерти, потрясает своей актуальностью и пророческим духом. В контексте объединения европейских наций в «Европейские Соединённые Штаты», в контексте внешнего мира, экономического прогресса и «решительного падения теоретического материализма» появятся, — читаем мы в «Повести», «великий человек XXI века, который будет применять к себе всё, что сказано в Евангелии о втором пришествии, объясняя это пришествие не как возвращение того же Христа, а как замещение предварительного Христа окончательным, то есть Им Самим». Тема «Повести» — обман, попытка поглощения христианства гуманизмом.

А. Дианин-Хавард,
директор Европейского учебного
центра в Хельсинки.
Из очерка «Владимир Соловьёв:
единство жизни и учения»

ливом межконфессиональном пространстве.) Очевидное отсутствие оснований для таких мнений о Соловьёве вынуждает этих авторов говорить, что Соловьёв, став католиком, всё же одновременно остался и православным.

Но тогда почему Соловьёв не раз открыто отрицал, что совершил переход в католичество? У него не хватило мужества признать этот факт, если он был? Страх перед полицией парализовал его?

О. Николай всё же пишет в Рим отчёт об этом событии, а в 1917 г. составляет в абрикосовской общине в Москве «Акт о присоединении Вл. Соловьёва к католицизму», который и приводится в обоих указанных номерах «Символа». Документ не заслуживает особого доверия, если сопоставить его с описанным контекстом.

Вместе с тем М. Гаврилов цитирует слова Соловьёва из его письма о. Мартынову, дающие понять, что он готов быть «волонтером-союзником» Рима, а не его «регулярным солдатом», что он по-прежнему не согласен быть «заблудшей овцой», а ждёт уважения его личного достоинства христианина, как он сам уважает достоинство Рима. Если бы Соловьёв счёл своим долгом ради настоящего католического воцелкования быть в полном послушании Папе, он, конечно, должен был бы согласиться признать себя «заблудшей овцой». Но именно в этом вопросе авторитет Папы не стал для Соловьёва непреложным.

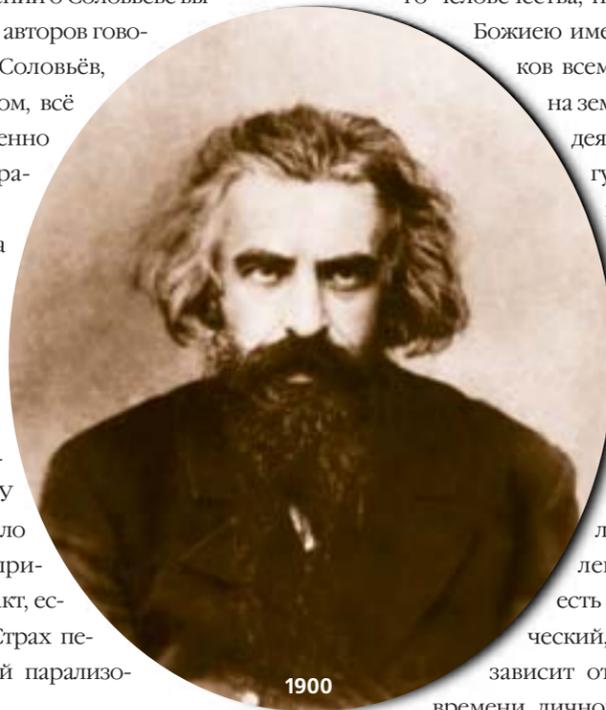
Стоит процитировать в этой связи уже упомянутое письмо к о. Мартынову от 1887 г.: «В заключение, чтобы не оставлять ничего в неясности, я исповедую, что

Римско-Католическая Церковь, заменившая Римскую империю для возрождённого человечества, назначена волею

Божиею иметь до конца веков всемирную державу на земле. На всю свою деятельность я могу смотреть только как на службу этой державе. Это есть долг совести. Но служить ли в качестве волонтера-союзника или же в качестве регулярного солдата легионов — это есть вопрос практический, коего решение зависит от обстоятельств времени, личного положения и

т. д.» (Письма, т. IV).

Разочаровавшись в своём теократическом проекте, Соловьёв считал своим долгом сохранить верность Риму, но уже в частном порядке, и нашёл этому такое обоснование. Он считал, что начавшийся в Европе и в мире подъём антихристианских сил потребует воинской сплочённости христиан разных Церквей под единым командованием, а практически только Рим пригоден для такой роли. Т. е. вопрос о центральности Рима во вселенском христианстве — не догматический и не канонический, это вопрос военной целесообразности. Но также и вопрос нравственный: христианам во всех Церквях необходимо моральное очищение, чтобы каждый христианин лично по зову своей совести стал решать, как ему относиться к Риму, видя, сколь велика угроза со стороны врагов Христовых не только вне Церквей, но и в самих Церквях. Главное же — это вопрос личной преданности Христу. Борьба с врагами Христа обязывает к дисциплинарному единству, иначе, если начнёшь спорить с Римом, с Папой, то попадёшь в лагерь антихриста.

1900

1890-е гг.

высказываться безошибочно *ex cathedra* по вопросам веры и морали. Когда христианство на военном положении, не место для таких споров, даже если кто-то догматически не согласен с *ex cathedra* и с *Filioque*.

Не преминул об этом сказать и С. М. Соловьёв: «Католический священник Иоанн Дейбнер передавал мне, что, когда он задал Соловьёву вопрос: «Признаёте ли

вы непогрешимость римского первосвященника?» (латинское слово *infallibilitas* точнее переводится как «безошибочность»). См. также сноску на с. 7 — *Ped.*), — Соловьёв задумался и затем ответил: «Когда войско идёт в бой, оно должно быть уверено в непогрешимости своего вождя» (Соловьёв С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьёва).

Вот что пишет Соловьёв всего через три месяца после причастия у о. Толстого: «И так как в христианском мире есть только один центр единства законного и традиционного — следовательно, все истинно верующие должны объединиться вокруг него... каждый может прикнуться в нему в той мере, какую ему указывает совесть. Я знаю, что есть священники и монахи, которые думают иначе и требуют подчинения церковной власти без ограничений, как Богу. Это заблуждение, которое придётся назвать ересью, когда оно будет ясно сформулировано» (Письма, т. IV). Соловьёв, иначе говоря, сам определяет, какими должны быть его отношения с Папой.

На смертном одре. 1900

В 1899—1900 гг. Соловьёв пишет «Три разговора», которые завершает «Краткая повесть об антихристе». В этой повести Соловьёв выразил свой окончательный взгляд на церковный вопрос. Не изменяя

своей верности Риму, но и не напоминая ничем о доктрине Первого Ватиканского Собора о Папе, Соловьёв наконец отдаёт должное истине православия. Её выразителем становится в повести православный старец Иоанн, который исповедует веру во Христа распятого и воскресшего, а затем распознаёт и обличает антихриста. Последний Папа Пётр II, согласно Соловьёву, присоединится к его исповеданию веры в воплотившегося Бога, чтобы применить затем свою духовную власть. Православие, следовательно, в отличие от католицизма, сохранит до конца дней духовную способность распознать и обличить антихриста. В этом Соловьёв увидел великую правду русского православия. Папа в лице Петра II сохранит апостольскую духовную власть, утраченную православными, но он нуждается в обличительном слове старца, и только после него он анафематствует антихриста и отдаст жизнь за Христа, как и Иоанн. И тогда станет убедителен для православных и протестантов как Папа. Тогда и произойдёт эсхатологическое примирение христиан Востока и Запада. По Соловьёву, это будет истинный экуменизм, а не тот ложный, который организует антихрист из огромного числа всех, кто готов предать Христа и Его свидетелей ради земного успеха.

31 июля 1900 г. Владимир Сергеевич скончался под Москвой в усадьбе князя С. Н. Трубецкого. По свидетельству православного священника С. А. Беляева, перед смертью Соловьёв исповедался «с истинно христианским смирением (исповедь продолжалась не менее получаса) и, между прочим, сказал, что не был на исповеди уже года три, так как, исповедавшись в последний раз (в Москве или Петербурге — не помню), поспорил с духовником по догматическому вопросу (по какому именно, Влад. Серг. не сказал) и не был допущен им до Св. Причастия. «Священник был прав, — прибавил Влад. Серг., — а поспорил я с ним единственно

по горячности и гордости; после этого мы переписывались с ним по этому вопросу, но я не хотел уступить, хотя и хорошо сознавал свою неправоту; теперь я сознаю своё заблуждение и чистосердечно каюсь в нём» (Письма, т. III).

Не быть на исповеди три года — это слишком, чтобы считать Соловьёва воцерковившимся католиком. Тем более что и до случая причащения у о. Толстого Соловьёв по долгу был вне таинств. Но всё же Соловьёв, завершая жизненный путь, исповедует у православного священника. М. Гаврилов писал, что Соловьёву негде было найти католического. Но он его не искал. В отношении к Риму у Соловьёва давно уже была полная ясность, с Римом он давно примирился, а вот с православием — нет. Покидать наш мир, не примирившись с Русской Православной Церковью, Соловьёв не хотел. И примирение состоялось, хотя, как можно понять из цитированного письма, отношение Соловьёва к Риму и его мнения по церковному вопросу предметом исповеди не были. Но Соловьёв и не видел греха в своём отношении к Риму и в своих мнениях...

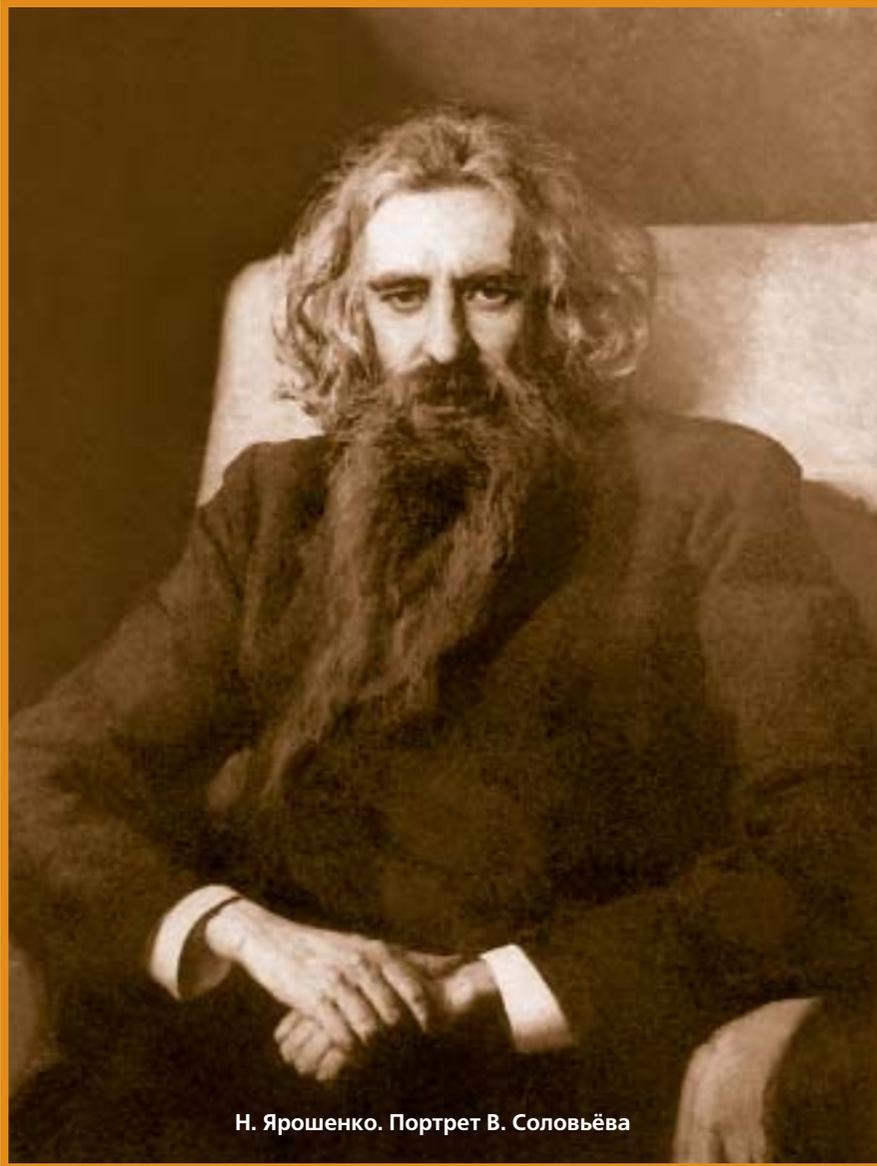
Кем же был Соловьёв — католиком, православным или тем и другим вместе? Однажды он сам сказал: «Меня считают католиком, а между тем я гораздо более протестант, чем католик» (Лопатин Л. М. Памяти Вл. С. Соловьёва. — В кн.: Книга о Владимире Соловьёве. М., Сов. писатель, 1991). Напомню уже цитированную фра-

зу: «Я встаю против местной иерархии...» Протестант он, однако, странный — ведь протестанту нужно всегда иметь перед собой Рим — то, против чего он протестует. Без Рима протестант уже и не протестант; а Соловьёв, напротив, сам

ном смысле слова, не хотел быть также и строго традиционным православным. Соловьёв не брал на себя полного объёма церковных обязательств ни перед православием, ни перед католичеством, но не хотел также и порывать ни с тем, ни с другим.

Николай Бердяев ценил Соловьёва за то, что он заявил о себе как о приверженце грядущей «религии Святого Духа», которая придёт на смену всем историческим Церквам, преодолеет их ограниченность и продемонстрирует горение Духа в сердцах будущих христиан. В XX в. Пауль Тиллих мог бы сказать, что Соловьёву не хватило «мужества веры», мужества принять какую-либо одну из этих великих христианских Церквей как свою, со всей её трагической историей, мужества взять на себя серьёзные обязательства перед Церковью и за Церковь. Так, добавим, принимали её все святые Востока и Запада.

Я бы назвал Соловьёва кафоликом, т. е. христианином, поднявшимся над межцерковными барьерами, христианином «православно-кафолического исповедания», как он и сам однажды сказал о себе. Я бы назвал Соловьёва также вестником и служителем грядущей Вселенской Церкви Христовой, согласно с его исповеданием «религии Святого Духа», понимая это как веру в будущее обретение Церквами той мощи Духа, какая была явлена в древней неразделённой Церкви. +

Н. Ярошенко. Портрет В. Соловьёва

решил быть «волонтёром-союзником» Рима. Это означает, что Соловьёв не хотел быть строго традиционным католиком, не был и протестантом в собствен-

Когда приблизится чаемое царство, когда забрезжит заря Града Божьего, избранные и верные Града вспомнят о Соловьёве как об одном из своих пророков.

Вячеслав Иванов